

12+

Марина Ковалёва
ИСТОРИЯ
НАШЕЙ СЕМЬИ

Марина Ковалёва

История нашей семьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68661481

ISBN 9785005936394

Аннотация

Наши предки мужественно и с достоинством прошли через вынужденные испытания. Любили и поддерживали своих родных. Сберегли своих детей и тем дали жизнь нам. Знать о них, помнить и рассказывать уже своим детям – единственный способ выразить им благодарность и уважение.

Содержание

Предисловие.	5
Анна (1877 – 1940)	14
Татьяна (1900 – 1990)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

История нашей семьи

Марина Ковалёва

© Марина Ковалёва, 2025

ISBN 978-5-0059-3639-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие.

Сейчас все ныряют в Интернет. Оттуда получают впечатления и знания. Доступно бесконечно много... Но у этой медали две стороны.

Хорошая сторона понятна.

Любая информация добывается легко и быстро, несколькими касаниями пальцев. Валяясь вечером на диване можно выбрать и посмотреть любой фильм, концерт, хронику и т. д. Одни удобства. Было бы желание...

А что же плохого?

Избыточность.

Мимолетность.

Одиночество.

В старину бывалые люди становились желанными гостями в богатых и бедных домах. Рассказы отставных военных, моряков, паломников и пр. неизменно были центром внимания. Художники 19 века любили рисовать подобные сюжеты: лица рассказчика и слушателей давали возможность запечатлеть самые разные человеческие чувства. Сколько впечатлений, раздумий оставляли в душе такие живые рассказы. А детские фантазии пробуждались бабушкиными сказками... Пушкин, Аксаков, Ершов выросли на них и затем создали свои замечательные произведения на их основе!

Мы же, находясь изо дня в день в бесконечном потоке но-

востей, увы – уже не получаем таких глубоких, ярких эмоций. Мы реагируем поверхностно, наше сознание не обогащается красками переживаний. Слишком много излишней, мусорной информации. Она бесконечна и бесконтрольна, и к тому же может быть лжива, безграмотна. Из-за её избыточности мы лишены душевной внутренней тишины, неспешного обдумывания, тонких оттенков чувств. Из новостной каши почти ничего не остается в памяти.

Плюс одиночество. Внимание поглощено интернетом, псевдо-событийной рекой. И кажется, что ты не один. Но это всего лишь имитация полноценного общения. Физически человек один. Недополучен целый кусочек своей, настоящей, жизни.

Выйти из дома, идти по улице, почувствовать сегодняшнюю погоду – прохладу или зной, дождь или свежий ветер. Доехать или дойти до нужного дома, позвонить в дверь. Надо здороваться, входить. Надо суметь поддержать разговор... Такими будничными мельчайшими событиями, как волнами – камешки, обтачиваются и сглаживаются нелюдимость, неуклюжесть, депрессии, фобии.

С прогрессом воевать нет смысла. Пусть себе развивается и несет нам новые возможности. Но нельзя попадать в его ловушки. Надо ценить и всеми силами держаться за самые простые явления жизни, обогащаться собственными реальными ощущениями и впечатлениями. Никакие он-лайн имитации никогда не станут равноценны с живой речью, чувствами

ми, непосредственными человеческими отношениями.

Большую часть жизни я прожила в годы, когда всемирной паутины не было и в помине. На досуге читали книги и ходили в гости. Книги в моем окружении всегда и всеми были любимы. В книжных магазинах интересные и популярные книги отсутствовали или продавались «из-под прилавка», по благу. Взрослые и дети ходили в библиотеки, на самые знаменитые книги записывались на абонементе в очередь. Источником чтения были также журналы, очень разнообразные и хорошего качества, для всех возрастов. Часто и с удовольствием ходили в кино – и только в 21м веке стало понятно: насколько добрые и человечные фильмы производились в те годы.

К нам в дом запросто приходили без всякого предупреждения (мобильных телефонов еще не изобрели, а иметь в доме городской телефон очень долгое время было особой привилегией). Соседи, знакомые бабушки и мамы, мои друзья и одноклассники заходили в гости, просто оказавшись неподалеку. Или заранее договорившись при прошлых встречах. Точно так же и наша семья ходила по знакомым без всяких особых приготовлений. Все видели, кто как живет. Не было фальши, прикрас. В общении была простота и искренность.

Дети, и я в частности, прислушиваясь к разговорам взрослых, получали правдивое представление о жизни, не искаженное (рекламно-приукрашенное или преувеличенно-

негативное) интернетом. Что-то западало в память, что-то вызывало интерес и дополнительные расспросы у взрослых, что-то трансформировалось в смешные детские фантазии.

Взрослые тоже вели себя непосредственно. Летним вечером выносили стулья прямо на улицу, а если день был душным и знойным – на тротуар перед домом заранее выплескивали ведро воды, освежая и охлаждая вечерний воздух. Сидели у своих дверей, болтали с соседями и знакомыми прохожими. В плохую погоду жарились сковородки семечек. Приходили подруги мамы или Лоры – младшей маминой сестры. Семечки горой высыпались на середину стола. Сидели вокруг, разговаривали, щелкая семечки, складывая перед собой кучки шелухи. Очень любили петь. Фильмы выходили тогда с душевными мелодичными песнями, о простых чувствах, близких каждому человеку. Песни сразу становились популярными, их быстро запоминали, пели в компаниях. Мама, Лора, тётя Оля (любимая мамина подруга) любили петь вместе. Причем тётя Оля, обладая хорошим слухом и низким голосом, обычно назначала, кому каким голосом петь и строго следила, чтобы не фальшивили. Смех, споры, разучивание слов...

Понятно, что детство в такой общительной среде насытило меня рассказами и воспоминаниями взрослых. Моя бабушка Таня, всю жизнь имея слабое зрение, к старости стала совсем слепнуть. Она проводила больше времени дома, любила, управившись с делами, прилечь на свою высокую

кровать, украшенную вязанными ею же накидками. Она была искусной вязальщицей. В годы, когда тюль на окна был редкостью в продаже, из простых нитей она вязала широкие и длинные занавеси на окна. Такие красивые, что часто из комнаты можно было наблюдать фигуру какой-нибудь женщины, стоящей на улице перед окном и разглядывающей узор вязки. И, конечно, мне она вязала чудесные шапочки – варежки – шарфики – кофточки.

Пристроившись на пухлых подушках, накрытых вязаными салфетками, бабушка начинала что-нибудь рассказывать. У меня была маленькая скамеечка, которую я подтаскивала к бабушкиной кровати, а перед собой ставила стул, служивший мне столиком. Я расставляла на нём кукол, любимых солдатиков или рисовала в альбоме, и слушала бабушкины рассказы. Свойства нашей памяти таковы, что с возрастом, как из тумана, проявляются детство и юность, всякие подробности становятся четкими и яркими. А вчерашние события быстро забываются. И бабушка вспоминала комнату, в которой жила в детстве, своих родителей, семьи крёстных, дореволюционный Баку. Что-то я любила слушать и просила описать снова, другие истории оказывались новыми. Хотя меня водили в детский сад, а в первом классе определили в продленную группу, будние дни я проводила в основном с бабушкой, так как мама работала.

А в выходные мы шли куда-нибудь с мамой. Гуляя по улицам, мама тоже рассказывала о себе, родителях, городах дет-

ства, друзьях и пр. Одни истории она описывала часто, другие не любила повторять. Многое я уже помнила наизусть. Прогулки наши были разнообразные: мы заходили на старинное Всесвятское кладбище (которое я очень боялась), или на трамвае доезжали до конца города, к ипподрому (ныне район Технологического университета на ул. Московской). Или на пароме (он был устроен в начале улицы Ленина) переправлялись на другой берег Кубани, ещё не застроенный дачами. Люди рассаживались под большими старыми деревьями на песчаном берегу, любовались рекой, гуляли. Потом на очередном пароме возвращались на свой берег.

Благодаря таким прогулкам в памяти моей остался образ Краснодара тех лет: уютные маленькие домики на зеленых тихих улицах, не ободранные еще старые особняки с кованью и каменными вазами на крышах. Старинное кладбище: огромные деревья, под ними много мраморной скульптуры – белые ангелы на высоких постаментах, с крестами в руках, бесконечные кованые оградки, мраморные урны с мраморными же голубками, семейные склепы. Всё – заросшее густой травой, и тем страшнее было замечать в зарослях сидящие перед склепом или склонившиеся у креста скульптурные фигуры плакальщиц, в складках своих каменных покрывал. Как я теперь понимаю, эти статуи были типовые и входили в похоронную культуру прежней старой России. Мне же, наивному советскому ребенку, они казались чужими и зловещими, и потому врезались в память.

Позже, в 70е годы, старинный мрамор был вывезен с кладбища и якобы продан в Армению. Сейчас ограбленный до-революционный погост выглядит бедным и заброшенным.

Понятно, что мама очень любила тот Краснодар. И сейчас, когда он превратился в переполненный мегаполис, ещё есть немногие старые уголки, в которых чувствуешь уют, душевность, обжитость. А тогда микрорайоны, растащившие наш город далеко в поля, были – фруктовыми садами, ореховыми лесополосами, клубничными полями. Тенистые малоэтажные улицы оставались домашними, с многочисленными приметами старины, тихими и живописными. Мой путь в детский сад пролегал через 2—3 квартала по ул. Седина и Комсомольской. В особняках ещё сохранялись на своих местах входные массивные двери с чудесными литыми ручками. Я наизусть знала последовательность дверных ручек, проплывающих мимо на уровне моего носа: вот изогнутая ручка с головой косматого льва, за ним на этом же квартале будет оскаленная морда сатира на верхушке ручки («чёртик» по моему мнению), потом огромная деревянная ручка с медными шарами на концах («мячики») и т. д. Для меня старые кварталы навсегда останутся фоном моего детства. И я тоже люблю то немногое, что осталось от прежнего уютного города.

Конечно, семейные рассказы не текли благостной бесконечной рекой. Между бабушкой и мамой случались ссоры. У Лоры появилась своя семья, она жила отдельно. Меня за-

нимали мои подростковые дела. Но всё же рассказы о прошлом я помнила и любила. Однажды, лет в 15 -16, я решила записать воспоминания бабушки, относящиеся к самым дальним годам, концу 19 – началу 20го веков. Пришло понимание их ценности. Несколько дней я приходила, садилась возле ослепшей бабушки и наводящими вопросами старалась соединить все факты вместе. Кто родители, как жили, где и т. п. Все тут же писала в тетрадку и зачитывала бабушке, чтобы проверить правильность. Она оживилась, стала вспоминать платья, разные бытовые подробности. Я всё записывала, потому что это была совсем другая, незнакомая и невозвратная жизнь. Записей набралось приблизительно на 20 листочков.

Не помню, почему это прервалось. Может – настроение изменилось, может учеба отвлекла... Прошло ещё несколько лет. В декабре 1974 – январе 1975 гг. я проходила преддипломную практику на вычислительном центре Завода измерительных приборов (ЗИП). Как практикантка, я имела право на неполный рабочий день и возвращалась домой рано. Друзья разъехались на практику в другие города, защита диплома была ещё далеко – появилось много свободного времени. И тут мне на глаза попались мои школьные записи. В последний раз пошла я с ними к бабушке. С трудом (память её уже стала слабеть) разговорилась с ней, что-то уточнила, дописала. Сумбурные разрозненные записи подобрала в главы – «Анна», «Князев», «Татьяна». Спрятала тетрадку сно-

ва.

В 1999г. наша семья купила первый компьютер. Постепенно, в свободное время, я набрала на нем тексты, оцифровала старые фотографии, напечатала часть воспоминаний мамы. Во время поездок в станицу Хопёрскую с мужем Сашей мы стали расспрашивать его пожилых родственников, и постарались записать всё, что удалось узнать о прошлом его семьи. А три главы, записанные в 1974—75 гг., я распечатала на принтере, проиллюстрировав соответствующими фотографиями, разложила по скоросшивателям и раздала ближайшим родственникам. Для чтения и хранения)). Жаль, что после этого я бездумно выбросила свои листочки с подростковым почерком. Сейчас они тоже стали бы архивным раритетом...

Такова предыстория этой книжки.

Семейные воспоминания и разговоры – бесценный жизненный багаж каждого человека.

Общайтесь.

Анна (1877 – 1940)

Анна Матвеевна Попова родилась в крестьянской семье, в Казанской губернии, чувашской или мордовской волости, в 1877 году. Село их было большое, проживали в нем в основном русские.

В семье Поповых Анна была младшей. Трёх старших братьев звали: Ерофей, Ефим и Ефрем. Из очень раннего детства ей вспоминалось, как ехали по дороге среди ржи, она упала с телеги и потерялась в высоких густых колосьях. Её не сразу нашли, а она очень испугалась. Когда Ане было три года, мама умерла. Братья взяли её жить к себе и жили сначала мирно, зажиточно. Братья относились к крестьянам-среднякам, имели коров и лошадей, хозяйство вели совместно. В селе семья считалась образованной, так как их двоюродный брат Лебедев служил начальником почты.

В 12 лет Аня уже всюю управлялась по дому, а в деревне это дело нешуточное. Братья её все поженились, и хотя сестру жалели, от работы освободить не могли. Зато невестки покрикивали на «Анютку» и старались не оставлять без работы. Аня пекла хлеба на разросшееся семейство: в большом корыте замесить тесто, вытопить большую русскую печь и специальной лопатой сажать хлеба на «под» – чистый пол из кирпича внутри печи, обмазанный огнеупорной глиной. Работа эта была тяжелой, но доставалась всегда девочке.

Невестки же судачили, сидя на лавке и сообщая «присматривали за сироткой». Грамоте Аня, конечно, не училась.

В 19 лет Анну неприятно поразил один случай. Играла молодежь в снежки, толкали друг друга в сугробы. Её тоже спихнули в снег, а когда она поднялась – увидела на снегу красное пятно. В те годы деревенские девушки белья не имели. Подружка быстро замела след валенком, но Анна сочла себя опозоренной и больше играть не выходила. Хотя некоторые девицы в их деревне развлекались тем, что бегали к железной дороге и задирали сарафаны перед проходящим поездом.

Анна очень переживала свой стыд и тяготилась бесконечной домашней работой. Она мечтала о новой жизни, а подружка, постарше и побойчее, уговаривала её уехать в город. Анна стала просить разрешения у брата, он позволил и дал денег на дорогу. В семье тогда было не до неё: жена одного из братьев, очень красивая, и после замужества не оставила деревенских игр и гуляний. В семье Поповых начинались ссоры, упреки.

Анна с подружкой сели на пароход и поплыли вниз по Волге. Девушки купили самые дешёвые места – на палубе – и всё время были на виду. На них обратил внимание другой палубный пассажир и завязал с ними знакомство. Себя он назвал Дормидонтом Ивановичем. Это был среднего роста, голубоглазый мужчина, широкоплечий и усатый. Он поделился своим планом: доплыть до Баку, где, как он узнал,

«оборот хороший» и найти там себе выгодный заработок. Свой дом в деревне он бросил, коров и лошадей у него не было.

Подружка Анны, девушка бойкая, тут же «закрутила» с Дормидонтом Ивановичем. Постоянно оставляя Анну одну, она убегала к новому знакомому. Прячась за канатами и ящиками, они шептались целыми ночами. Анна втихомолку ахала, глядя на подругу. Так продолжалось всю дорогу, как вдруг в последние дни пути Дормидонт Иванович перенёс своё внимание на Анну. Но Анна уклонялась от общения с ним, он казался ей старым. Да и подруга призналась ей, что новый знакомец «затянул её в укромный уголок», а потом обещал на ней жениться.

Приплыли в Баку. Подружка вцепилась в Дормидонта Ивановича, пытаясь не дать ему уйти. Анна услышала их разговор: – Раз ты со мной гуляла, значит и с другими тоже! – Но Вы же знаете, что нет! – Ничего я не знаю!

Обманутая девица просила у Анны адрес, по которому её можно найти, но Анна не дала. Она больше не хотела знаясь с ней. Бывшая подружка поехала одна куда-то дальше в Закавказье.

Анна постаралась отвязаться и от Дормидонта Ивановича и также скрыла от него, где собирается жить. Через биржу она нанялась работать служанкой. Однако через некоторое время он всё же отыскал её. Он устроился грузчиком в порту

и хорошо зарабатывал.

Баку уже тогда был крупным портом на Каспии, народу в порту работало много. Дормидонт Иванович завел знакомство с Михаилом Симоновым, механиком или боцманом. Вскоре Симонов предложил ему стать матросом у него на корабле. Но Дормидонт сказал, что собирается жениться. Тогда Симонов помог ему наняться грузчиком, чтобы быстрее заработать. В Баку грузчиками работало много кавказцев, их называли «амбалы». К голове и спине они ремнями крепили подобие этажерки, в которой и переносили тяжести. Портовые грузчики оплачивались по повышенному тарифу.

В один прекрасный день Дормидонт Иванович с шафером подъехал на фаэтоне к дому, где служила Анна. Жених явился с богатыми свадебными дарами: в красивой большой коробке было уложено длинное белое платье из матового атласа, всё затканное блестящими белыми цветами. К платью прилагалась пелерина коричневого цвета, длиной до локтя. После венчания в церкви требовалась смена платья. И Дормидонт Иванович преподнёс вторую коробку с розовым платьем – таким же, как и белое. Ещё он купил ротонду (та же пелерина, только до земли) элегантного бежевого цвета. Коричневой шелковой тесьмой по её вороту были выложены цветы, тесьмою же отделаны все края и подол. Шикарная ротонда много лет хранилась в семье. Прямо от хозяйки поехали в церковь.

Так в 19 лет Аня Попова стала Анной Коньковой. Муж

был старше её на 11 лет.

Это произошло в 1896 или 1897 году.

Дормидонт Иванович Коньков был родом из Тамбовской губернии, Елатинского уезда, Подболотской волости. Годом его рождения надо считать 1866.

Происхождение Дормидонта Ивановича было не совсем обычным.

На ночь в село вошли поляки, которые следовали по этапу в ссылку. Их было много, часть пешком, часть на повозках, иных сопровождали семьи. В избу Коньковых, самую крайнюю, постучала женщина. Пани следовала за своим мужем в коляске, видимо – была из состоятельных. На плохом русском она просила взять дочку, предлагала деньги. Её девочка тяжело заболела, и дальше везти её было опасно. Дама хотела доехать с мужем до какого-то места, где станет известно, куда его ссылают, а затем вернуться за дочерью. Утром ссыльных повезли дальше, а больная девочка осталась. Коньковы её выходили и ждали возвращения матери, но полька не вернулась: то ли не смогла, то ли умерла. Девочка так и не привыкла к крестьянской семье, мало и плохо разговаривала по-русски, часто плакала и тосковала. Хозяйский сын Иван, немногим старше её, заглядывался на польку. Когда ей исполнилось 16 лет, родители их поженили. Она родила мальчика и вскоре после родов умерла. Мальчика назвали Дормидонтом, Дорей.

У Дормидонта были приятные, правильные черты лица, голубые глаза. Ему пришлось рано начать трудиться: в 16 лет, после смерти отца, он наравне со взрослыми мужиками уже пахал землю. Но крестьянский труд он не любил. Став старше, Доря заколотил избу и ушел из деревни.

...Сразу после свадьбы Дормидонт Иванович снял на заработанные в порту деньги домик в Баилове. Бакинский район Баилов считался неплохим и начинался сразу за доками. Он постепенно поднимался в гору, где располагались кварталы англичан. Дома там окружали парки и широкие тротуары, по которым дети англичан катались на роликовых коньках. Даже зимой английские дети ходили в гольфах, с красными от холодного ветра коленками.

Домик же, арендованный Дормидонтом Ивановичем, находился на улице попроще. Позади него располагались солдатские казармы, а напротив высилась церковь за красивой оградой. Недалеко были фабрики и электростанция, освещавшая дома англичан. Домик Коньковых освещался керосиновыми лампами. Он стоял на углу, окнами на одну улицу, дверью – на другую. В переднем помещении Дормидонт Иванович устроил торговую лавку, куда стали заходить рабочие с фабрик. Из лавки узким длинным коридором можно было пройти во двор. Левая дверь из этого коридора вела в жилую комнату, правая – в кухню. В комнате, довольно большой, стояли комод и деревянная кровать со спинками,

раскрашенными под мрамор, обеденный стол, позже появилась детская кроватка. В углу – несколько икон: одна большая, по бокам маленькие. Под ними на отдельном столике лежали церковные книги. Но их никто не читал: Анна не знала грамоту, а Дормидонт не интересовался. Украшением самой лавки служили часы-ходики на стене.

Жизнь устроилась. Дормидонт и Анна зажили своим уютным городским домиком, вели хозяйство. Дормидонт Иванович сам варил квас, холодец, жарил рыбу, которую продавал с вареной картошкой. Торговал он и сахарным песком, густым вареньем из малины и земляники, постным маслом, керосином, свечами. Не богатели, но и не бедствовали. В лавку взяли помощника, таскавшего воду и варившего с хозяином квас.

В 1900 году родилась Таня, в 1902г. – Полина (Лина), в 1904г. – Антонина (Тося), в 1906 году Нина, а в 1908 – Володя. Когда в семье было ещё три ребенка, Дормидонт Иванович купил маленькие деревянные колясочки, расписанные цветными полосками и, привязав их друг за другом, катал дочек по улице.

Самая первая фотография из семейного архива относится к этим счастливым годам. У семьи есть деньги на фотоателье, на фото Анна и Дормидонт скромно, но добротню одеты, на дочках светлые платьица с бантами и оборками. Судя по возрасту младшей Тоси, которую придерживает на декоративной консоли Анна Матвеевна, фотографию надо дати-

ровать 1905г. Семейный фотопортрет сделан в Баку на улице Торговой в ателье господина Бабаяна «Рембрантъ».

До глубокой старости доживут только три старших сестры: Таня, Лина, Тося. Нина в 13 лет утонула, купаясь в реке Кубань. Жили тогда в Невыномысске, у Кубани там тече-

ние быстрое, много омутов, водоворотов. Володя там же, 16-летним пареньком поддавшись траурной пропаганде в дни похорон Ленина, ходил в сильные холода без шапки и застудился. Анна изо всех человеческих сил молилась о выздоровлении сына, а когда он умер, убрала иконы и стала «безбожницей».

Когда у Анны было только две маленьких дочки, она поехала на родину проведать братьев, взяв малышей с собой. Таня запомнила дни на пароходе, лошадей, с которыми приехал встречать Анну брат. Дорога вела через лес, а брат шел рядом, рвал и бросал им в телегу цветы. Места вокруг деревни были очень красивые. Однажды, во время прогулки по лугам, Таня заблудилась в высокой траве и стала кричать. Взрослые еле отыскали её в цветущих зарослях. Деревенские родичи пекли маленькие беленькие колобки, очень вкусные. Угощали гостей и душистыми лесными ягодами. Но Анна с горечью заметила, что родня живет не мирно, и причиной этому снова была её красивая сноха. Она стала свидетельницей дикой ссоры между братьями, перешедшей в драку. Братья сцепились с такой ненавистью, что один другому откусил губу...

В Баку соседями и приятелями Коньковых были простые русские семьи, кормящиеся своим трудом. Из близких знакомых Коньковы выбирали крёстных своим детям. Так, крёстным отцом девочкам стал дядя Миша, Михаил Симон, товарищ Дормидонта Ивановича еще с портовой поры.

Правда, Таню крестил некий Давыдов, кудрявый красавец. Крёстной матерью для старших девочек стала Прасковья Даниловна Трынкина, соседка и приятельница Анны.

Наличие крёстных родителей было очень важным в старину. Крёстные родители как «восприемники» (то есть принимали ребенка из купели при крещении) записывались в церковные книги и считались вторыми родителями ребенка. И богатые, и бедные слои населения давали своим детям «вторых» крёстных родителей, что защищало детей от сиротства. Медицина ещё не умела лечить многие болезни, не существовало правил безопасности труда или дорожного движения, другие многие причины могли оборвать жизнь человека раньше времени. Поэтому крёстные родители становились близкими людьми, входили в круг семьи.

Прасковья Трынкина стала крёстной матерью в 19 лет. Серьёзная, работающая девушка, она открыла собственную маленькую прачечную, где ей помогали две женщины. Отец Данила Иванович и мать Степанида имели ещё пятеро детей. А Прасковья была старшей и уже снимала себе отдельное жильё. Выйти же замуж ей долго не удавалось.

Прасковья очень полюбила своих маленьких крестниц. Когда они приходили к ней в гости, она устраивала купание. Детей сажала в ванночку, туда же ставила скамейку, на неё таз и из таза мыла сначала двух младших девочек, затем старшую Таню. Мыльная вода стекала в ванночку, а Прасковья приговаривала: «С гуся вода, с девочек худоба!». По-

сле купания она торжественно заводила музыку в своих часах. У неё были замечательные часики, вделанные в верхнюю часть рамы круглого зеркала. Каждый час они мелодично наигрывали чудесную мелодию. Маленькие сёстры слушали её, затаив дыхание. Много позже, уже будучи взрослой, Татьяна узнала в ней небольшой отрывок из «Лунной сонаты» Бетховена.

Девочки ходили в гости и к родителям Прасковьи. Они ютились в одной комнате, где постоянно стоял на видном месте то красивый комод, то шкаф, выполненный на заказ Данилой Ивановичем. Он был искусным краснодеревщиком и сделал много красивой мебели, но для себя он изготовил лишь маленький столик. Степанида всегда приветливо встречала детей и бежала в лавку купить к чаю лакомство — лом сладких ванильных бубликов.

В дальнейшие годы в семье Трынкиных произойдут такие события: одну из младших сестёр, Нюру, бросил жених. Девушка от горя отравилась.

Как-то раз после Пасхи, на Проводы, Прасковья Даниловна отправилась на кладбище на могилку сестры. В руках она несла узелок с куличами и крашеными яйцами, чтобы по обычаю помянуть покойницу. Вдруг на неровных кладбищенских кочках у нее подломился каблук. Прасковья беспомощно остановилась и хотела уже совсем оторвать каблук, чтобы идти прихрамывая, но тут ее догнал шедший позади мужчина. Он заметил случившуюся с ней неприятность

и предложил свою руку для опоры. Так потихоньку они дошли до могилы Нюры. Случайный попутчик пошел дальше, пообещав найти её на обратном пути. Спустя время мужчина действительно вернулся и снова сопровождал Прасковью. Разговорились, понравились друг другу. Оказалось, что он вдовец и навещал могилу жены. Новый знакомый довел Прасковью до самого дома и попросил разрешения иногда заходить, так как он совершенно одинок. Прасковья охотно позволила. Через некоторое время они поженились. Муж её оказался очень хорошим человеком и имел «чистую» работу – счетоводом в конторе. Прасковье, ставшей по мужу – Рыбалко, шел тогда 31й год.

Для младших детей крёстными родителями стали Бызовы. Но Тимофей Бызов оказался дебошир и пьяница, Коньковы его видели редко. Евдокия Бызова приходила к ним чаще. Она торговала маринованными грибами и соленьями в Пассаже – огромном Бакинском крытом рынке. У Бызовых росли две своих красавицы – дочери, Маруся и Таня. Евдокия любила забирать к себе на несколько дней старшую Таню Конькову и отпускала её с неохотой.

На ещё одной фотографии, сделанной на той же Торговой улице в Баку, Анна сидит в тёмном платье с кем-то из младших – Ниной или Володей. Стоит – крёстная Евдокия со своим ребенком. На обратной стороне надпись: «художественная фотография И. Меликянъ, отделение в Балаханахъ». В углу бланка: «удостоенъ подарка от ЕГО ИМПЕРАТОР-

СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государя императора Николая II». Так имели право писать на своих работах фотографы, действительно награжденные за серии ценных познавательных фотографий или же занявшие первые места на фотовыставках. Известно, что император Николай II был страстным фотолюбителем и всегда отслеживал новости из этой области жизни.

В этих воспоминаниях моей бабушки Тани о детстве хо-

чется обратить внимание на то, как много русских людей проживало до революции в Баку. Семья Коньковых практически жила в родной для себя среде. Но Баку всё же совмещал в себе европейские и мусульманские черты. В детстве Таня наблюдала страшный религиозный обряд – по улицам, в гуще толпы, двигалось шествие правоверных фанатиков, по пояс обнаженных. С монотонными возгласами «шахсей!», «вахсей!» они хлестали собственные спины бичами и плётками с острыми наконечниками. Душераздирающие крики, окровавленные изрезанные спины, мерная поступь большой толпы производили гнетущее впечатление.

Постепенно, к сожалению, обстановка в стране становилась беспокойной. В 1905г. революционеры совершили первую попытку захвата власти, провоцировали бунты, забастовки, убивали крупных чиновников и полицейских. Лозунгами о «справедливости и счастье» призывали население к «борьбе», хотя дальнейшая история нашей страны показала, что население и станет главной жертвой революционного террора. В 1905 году государственная власть устояла, но наличие всевозможных провокаторов и агитаторов уже влияло на мирную жизнь Коньковых.

Беда случилась зимой 1905—1906 года: в лавку вбежал человек и попросил его спрятать. «У нас всё на виду» – сказал Дормидонт Иванович, но помочь не отказался. Он провел незнакомца через коридор во двор и показал выход на другую улицу. Спустя несколько минут в лавку явились

казаки: «Сюда вбежал человек, где он?». Дормидонт Иванович ответил резко: «Я посетителям не сторож. Не слежу» – «Доря, зачем ты так грубо?» – вмешалась Анна. Казаки поискали в лавке и не найдя никого, ушли, бросив напоследок хозяину: «Ну, попомнишь!».

Кого укрыли Коньковы?

Неведомо.

В полночь в дверь и окна громко застучали. Высадив двери, погромщики подняли ужасный шум. Анна быстро одела детей и увела к соседям. В лавке погромщики высыпали товары, разбивали каждую вещь, ломали всё вокруг.

Утром оказалось, что семья разорена. Не было никаких средств начинать торговлю заново.

После разгрома Коньковы переехали в Черный город, где Дормидонт Иванович устроился рабочим на нефтяных промыслах. Черный город, или Бибибат, был самым бедным районом Баку. Здесь стояли нефтяные вышки и жили только рабочие. Коньковы поселились в одной комнатке с коридорчиком. Дом имел форму квадрата и выходил на все четыре улицы, а внутри был большой пустынный двор. Скорее всего, это была казарма для рабочих, какие принято было строить при крупных производствах. На промыслах Дормидонт Иванович познакомился с буровым мастером-латышом по фамилии Кильпе. Его семья жила в хорошем районе, а он приезжал в Черный город лишь на работу. Впоследствии Коньковы познакомятся и с семьей мастера – женой Анной Кас-

паровой и детьми: четырьмя мальчиками (старшего звали Альберт) и девочкой Аустрой.

Жизнь Коньковых в Черном городе снова потекла тихо и мирно, как вдруг к ним пришли из полиции. Начались расспросы о лавке. Муж был на работе, и Анна сказала, что владелица лавки – она. Полицейские объявили, что патент на лавку был оформлен неправильно, придрались и к другим мелочам. Конечно, за патент двухлетней давности вряд ли стали преследовать, и Коньковы решили, что мстят за того сбежавшего незнакомца. Над Анной состоялся суд, её приговорили к нескольким месяцам тюрьмы. В тюрьме она сидела в большой камере с другими женщинами, некоторые из них были с детьми. Анна тоже взяла с собой маленькую Нину, которую ещё кормила грудью. К матерям с детьми относились нестрого, им старались помогать остальные женщины.

Благодаря тому, что Анна взяла вину на себя, Дормидонт Иванович продолжал работать. Он покупал четверть молока (так называлась длинная бутылка литра на три) и белый хлеб с запеченной на корочке круглой полоской («зетэч») и оставлял детям на весь день. Этим они и питались. Вскоре не без помощи Кильпе он пристроил детей в «ясли для бедных», где содержали детей дошкольного возраста, и нашел другую квартиру.

Наконец Анна освободилась из заключения. Хозяйство в её отсутствие совсем расстроилось. Чтобы кормить семью, Анна стала подрабатывать, беря бельё в стирку у Анны Кас-

паровны. Хотя буровой мастер на промыслах считался начальством, отношения между семьями Кильпе и Коньковыми были приятными настолько, что вскоре Кильпе помог Дормидонту Ивановичу открыть маленькую квасную лавку. Но случилась новая неожиданность: Кильпе арестовали. Оказалось, он вёл среди рабочих подпольную агитацию.

Жили теперь очень бедно, с трудом сводя концы с концами. Родители спали за занавеской на кровати, а пятерым детям стелили старые одеяла на полу. Чтобы накормить всю ораву, Анна варила ведро самодельной лапши, заправляя её жареным луком. Дети уминали её за обе щёки. Если в доме были хлеб и картошка, размазывали пюре по ломтю хлеба и хвастали друг перед другом: «а у меня масло!». Если в холода было нечем топить печь, дети набрасывали все свои одеяла на стол, забирались под него и так грелись в этом тесном укрытии. Слава богу – все были крепкие, с румянцем во всю щёку, никто не болел.

Самым любимым и счастливым праздником было Рождество. Таня помнит, как с толпой других детей носили из церкви по улицам большую блестящую звезду на палке и пели под окнами про младенца-Христа в розовом саду. Домохозяева выносили им какое-нибудь угощение. А отец покупал в подарок настоящее чудо: небольшие «бомбочки» из толстого темного шоколада. Внутри они были полые и имели сюрприз: крошечную свистульку, крестик, колечко. Это была неподдельная радость!

Однако положение семьи продолжало ухудшаться, потому что Дормидонт Иванович начал выпивать и буяннить. Вдруг ему захотелось проведать родню, и он уехал на свою Тамбовщину. Анна осталась одна с пятью детьми и окончательно обнищала.

Чтобы заработать хоть какую-то копейку, пришлось стирать на заказ. Потом ей удалось устроиться прачкой в богатую семью азербайджанцев Тагиевых. Трудолюбием и исполнительностью Анна смогла расположить к себе хозяйку. Госпожа Тагиева назначила Анну комнатной горничной. В большом доме это было повышением по службе.

Братьям Тагиевым принадлежали в Баку магазины, дома и театр. Возможно – и нефтепромыслы, но в основном бакинской нефтью владел Нобель. Происхождение их капитала было весьма «кавказское»: отец Тагиевых – амбал – по найму носил на спине в особом деревянном стульчике грузы. Как-то в горах нёс что-то ценное, хозяин погиб, всё досталось Тагиеву.

Дормидонт Иванович то возвращался в семью, то снова пропадал. Все житейские тяготы лежали на плечах Анны Матвеевны. Старшие девочки пошли в начальную школу, где выделялись среди других бедных детей настоящими форменными гимназическими платьями. В семье Тагиевых было две дочери Мариам и Фатима, чуть старше Тани и Лины. Мадам Тагиева отдавала донашивать их добротные шерстяные платья и муаровые фартуки дочкам Анны.

Когда Тане исполнилось 14 лет, Анна забрала её из школы и отдала на обучение к портнихе госпоже Александровой.

До той поры Таня бывала только в бедных домах. Так, их сосед-сапожник занимал с женой комнатку не более 5 метров, и то она разделялась занавеской. На одной половине были дверь с окном, и стоял верстак и обеденный столик. Под столом хранились ведро с водой и таз для умывания. Занавеска отгораживала кровать, над ней в стену набиты гвозди: вешалка. Вот и всё жильё. Другая знакомая семья, Семён, тоже сапожник, и его жена Ариша жили чуть лучше, в светлой хорошей комнате. Тогда, в 1914 году возникла мода на белые полотняные туфли. Семён сшил себе пару, но надевать стеснялся. Ариша упрашивала его и обещала идти рядом, но Семён, привыкший к бедности, так и не решился выйти гулять в модных штиблетах. По воскресеньям добросердечная Ариша жарила пирожки и всегда приносила несколько штук Анне Матвеевне, что принималось с благодарностью.

А квартира портнихи Александровой состояла из пяти больших комнат, заставленных красивой мебелью, просторной кухни, светлой застекленной веранды. Дом был со всеми удобствами, по утрам водовоз привозил воду для кухни и бака в туалете. Для Тани нашлось много работы по хозяйству, но в целом семья Александровых оказалась хорошей. Таня прослужила у них до 1918 года.

Когда революционерам наконец удалось совершить госу-

дарственный переворот, в стране разразилась Гражданская война. Не сразу, но она докатилась и до Баку. В городе начались дикие погромы, пожары, жестокая резня. «Персюки резали армян». Коньковы в числе многих русских бежали из опасного города. По каким-то причинам Анна Матвеевна выехала позже семьи. Она попала в переполненную беженцами лодку. Большинство пассажиров в ней оказались артистами русского театра. Плыть по Каспию пришлось несколько дней. Дамы испытывали неудобства при отправлении естественной нужды. Благовоспитанность и культура пассажиров помогла решить эту проблему: мужчины переместились к носу лодки, а женщины, прикрываясь юбками, справлялись на корме.

Где-то Коньковы снова воссоединились и с большими мучениями добрались до Ставрополя. Здесь уже чувствовался голод. Дормидонт Иванович, как многие, начал ездить, куда только можно, чтобы выменять вещи на продукты. Эшелоны были только для армии, самый доступный способ передвижения для гражданского населения остался только на крышах вагонов. Людей презрительно называли «мешочниками», их грабили и убивали. Из одной поездки Дормидонт Иванович не вернулся. Анне рассказали, что его сдернули с крыши вагона специальным крюком бандиты, чтобы отнять мешок. Дормидонт Иванович погиб в пятьдесят с небольшим лет.

Анна Матвеевна с детьми осталась жить на Ставрополье.

Потеряв ещё двух младших детей, она всё же дождалась лучших времён. В середине 20х годов все три дочери удачно вышли замуж. Таня и Тося за военных, а средняя Лина за партийного работника. Взрослые дочери переезжали из города в город по месту службы мужей, в их семьях стали рождаться дети. Таня, Лина и Тося по очереди приглашали маму жить к себе. Анна Матвеевна помогала вести хозяйство, нянчила внуков. Внучка Юля – старшая дочь Тани – запомнила, какие вкусные сдобные булочки пекла бабушка. Анна Матвеевна советовала дочерям иметь в доме красивую посуду и сама любила при случае прикупить тарелку или чашечку. С Юлей бабушка ходила в кино, бывшее тогда ещё беззвучным, с надписями-титрами. Рядом садилось ещё несколько малограмотных бабусь и все внимательно слушали, как Юля громко читает титры. В то время ещё прокатывали много немых фильмов со звёздами мирового кино. Кинофильмы назывались: «Роз-Мари», «Полли-Анна», «С черного входа». Бабушка Аня уже могла писать письма каракулями, но читала слишком медленно. Юля училась в первом классе и тоже читала по слогам. А титры на экране сменялись быстрее, чем усердная компания успевала их дочитать. На один фильм с Мэри Пикфорд в главной роли бабушка с внучкой ходили три раза, но так и не разобрались в сюжете)).

Если в семье возникали разногласия, бабушка Аня не настаивала на своих порядках. Она укладывала скромные по-

житки и ехала к другой дочери. Но в целом она была покладистая, мудрая женщина. Она как раз жила в Краснодаре в семье Лины, когда произошло страшное: зятя Николая и саму Лину арестовали. Как партийные работники, они попали под сталинские репрессии. Бабку с маленькими внуками Борей и Идой (дети Николая и Лины) сразу после ареста родителей выселили из хорошей квартиры на улице Красной в ветхий деревянный домик, бывшую керосиновую лавку, на улицу Мира. Условия там оказались невыносимые: в большой комнате с одним окном разные углы занимало ещё несколько выселенных семей...

Но и это оказалось благом! Вскоре в Усть-Лабинске с Таней развелся муж, и она с дочками Юлей и Лорой приехала к матери в Краснодар. В Краснодаре всегда было трудно с пропиской.хлопоты имели результат лишь благодаря тому, что здесь уже жила бабушка. Прописав и устроив дочь с внучками в домишке на улице Мира, Анна Матвеевна уехала к Тосе, единственной благополучной из своих дочерей. Муж Тоси Фёдор был кадровый командир. Тогда как раз ввели войска в Западную Белоруссию и Западную Украину. Фёдора по службе перевели на Западную Украину, на Волынь. За ним поехала и семья. Туда же, в город Луцк, к ним приехала и Анна Матвеевна. Там, в семье Тоси, она и умерла, перенеся незадолго до этого какую-то операцию. Похоронена Анна Матвеевна Конькова в западноукраинском городе Луцке. Вспоминая маму, Тося всегда говорила: «Как хорошо,

что мама умерла до войны!» – летом следующего, 1941 года, ей пришлось убегать с маленькими детьми на руках, в переполненных поездах, на восток.

На фото: Анна Матвеевна в середине 1930-х годов.

татьяна (1900 – 1990)

Моя бабушка Татьяна была старшей из трех сестёр. Все трое они прожили долгую жизнь и показали в ней свои лучшие человеческие качества. Все трое в тяжелые годы сберегли и вырастили своих детей и дождались внуков и правнуков. До последних своих дней сёстры сохранили стройность (годы лишь слегка ссутулили их спины), опрятность, легкую походку, миловидность лиц (несмотря на морщины), любовь к шутке, интерес к жизни и не помрачённый ум. Они подолгу жили далеко друг от друга, но никогда не порывали связи между собой и, по возможности, ездили в гости или переписывались. Они ушли из этого мира в обратном порядке, как пришли в него. За трудную жизнь бог послал им лёгкую смерть. В 1986 году умерла москвичка – младшая Антонина, Тося. Она вешала занавеси на окна, оступилась, упала и ударилась головой. Через 2 или 3 года в Харькове в семье дочери Иды скончалась средняя – Лина, Полина.

А 23 февраля 1990 года в Краснодаре в семье дочери Юлии во сне умерла Татьяна.

За долгую жизнь Татьяны к Земле дважды приближалась комета Галлея. Первый раз Таня видела её в небе, живя 10-летней девочкой в Баку, в окружении своих родителей, младших сестер и братика. Комета вызывала суеверные страхи у взрослых и толки о конце света.

Через 76 лет комета снова появилась на небе. Таня уже была худенькой слепой старушкой, узнавшей горькие стороны старости: невнимание и эгоизм молодых поколений. Подросли её внучки: Марина, Таня и Наташа, в школе учился правнук Андрей и готовилась к школе правнучка Женя. Знаменитую комету показывали по телевизору, и она вызывала интерес не больше остальных новостей.

Из своего далекого детства бабушка Таня (в семье мы её звали бабуся) иногда вспоминала и напевала мне высоким голосом песенки. Одна была про младенца Христа, который гуляет в прекрасном саду с розами, и сам он тоже прекрасен и добр к людям.

Тогда, в начале 60-х годов, такая песня казалась мне, советской дошкольнице, очень необычной, непохожей на всё, что звучало по радио. Кто такой младенец Христос – я конечно не знала. Другая песня была более понятной: «Ах, попалась, птичка, стой! Не уйдешь из сети!»... далее в песне дети хотят дать птичке «конфет и чаю с сухарями», но птичка просит её отпустить, т.к. у неё где-то «малые детки». Третья песня была самая длинная. Когда-то по воскресеньям, в хорошем настроении, отец после обеда оставался за столом и любил петь хором с детьми песни. Эта, видимо самая любимая отцом, запомнилась Тане на всю жизнь:

«Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя,
золотою казной я осыплю тебя.

Саклю пышно твою разукрашу кругом,

стены в ней обоюбю я персидским ковром.
Дам коня, дам кинжал, дам винтовку свою
и за это за все ты отдай мне жену:
Ты уж стар, ты уж сед, ей с тобой не житье,
на заре юных лет ты погубишь её.
Под чинарой густой мы сидели вдвоем,
месяц плыл золотой, все молчало кругом.
Лишь играла река перекатной волной
и скользила рука по груди молодой.
Она мне отдалась до последнего дня
и аллахом клялась, что не любит тебя!»

«Князь, рассказ ясен твой и напрасно ты рёк:
вас с женой молодой я вчера подстерёг.
Полюбуйся поди, князь игрушкой своей:
спит с кинжалом в груди она в сакле моей!
Я кинжал ей вонзил, утопая в слезах,
поцелуй мой застыл у неё на устах»
Тут рассерженный князь саблю выхватил вдруг,
голова старика покатила на луг.
Долго молча стоял князь над трупом столбом,
сам себя укорял, но решил на своем.
Скоро пала роса, свежий ветер подул,
смолкли птиц голоса, лишь с реки слышен гул.
С криком бешеным вдруг, ударяясь в скалу,
князь-убийца прыгнул и пошёл он ко дну».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.